

На Хиву! / поэма

Category: Kitarcsy, Роемалар

написано kitarcsy | 26 января, 2025

На Хиву! / поэма НА ХИВУ!

Посвящается всем русским воинам, погибшим в «полуденных экспедициях» от Бековича-Черкасского до Сирии.*

Глава I

Большая Степь — Дешт-и-Кипчак*:

Холмы, барханы, солончак,
От Каспия и до Алтая,
Ей не видать конца и края.

Просторы дикие пусты
Торчат лишь чахлые кусты,
Да ветер вольный гонит пыль,
Качая высохший ковыль.

Порою, по ковру равнин,
Промчит сайгаков быстрый клин,
Да вдалеке, во мгле ночной,
Степного волка слышен вой.

Иль вдруг раздастся стук копыт,
И меж холмами пролетит,

Ватага «хищников степей»-
Разбойников – барантачей.

В давно прошедшие века,
За Солнцем вслед издалека,
В столетья длящийся поход,
Здесь за народом шёл народ.

Катились орды на закат,
Как будто их извергнул ад,
Стирая царства в пыль и прах,
Пируя на чужих костях.

Авары, гунны, Чингиз-хан,
Кипчаки, грозный Тамерлан,
Евразии кошмар и страх,
Свой след оставили в степях.

Из года в год, из века в век,
Кочевник в буйный шёл набег,
Селенья обращая в тлен,
Неся соседям смерть и плен.

И караванною тропой,
Невольников печальный строй,
Под визг кнутов и свист плетей,
Тянулся по пескам степей.

Им доведётся наяву,
Увидеть грозную Хиву,
И на помост базара встать,
Чтоб узы рабства испытать.

О, камни серые Хивы!
Как часто слышали здесь вы,
Проклятья хриплые мужчин,
И плачь молоденьких рабынь.

Ах, если бы собрал Аллах,

В вас боль, отчаянье и страх,
Что тут прошли сквозь мглу веков,
То вырос б столб до облаков.

Увы, недвижны небеса,
Истории мах колеса,
Давно сюда не достигал,
Но час уроченный настал...

Глава II

Орёл степной свой бросив взор,
С отрогов Мугоджарских* гор,
Узрел средь выжженных холмов,
Движение пыли облаков.

То , знать, торговый караван,
Идёт в Хиву с полночных стран,
Спешит на пятничный базар,
Солидный получить навар.

И сквозь безжизненный Устюрт,
Где не найдёшь киргизских юрт,
Шагает вслед за наром нар,
В тюках – владимирский товар.

Мануфактуры там полно:
Холсты и ситец и сукно,
А в ящиках, поднимешь дно,
Лежит запретное вино.

Весёлый караван – баши,
В уме считает барыши,
И молит, чтоб дойти скорей,
Не повстречав барантачей.

Но, больно караван велик,
А вон, блеснул ружейный штык,
Ещё один, ещё сверкнул...

Раздался странный, мерный гул.

Орёл , взлетел под облака,
Увидел грозные войска,
От Эмбы* двигаясь на юг,
Заполонивших всё вокруг.

Идут в ял0вых сапогах,
Сияя белезной рубах,
За батальоном батальон,
Пехоты множество колонн.

Как ветер Каспия легки,
Несутся с гиком казаки,
В мундире белом генерал,
Верхом, со штабом, проскакал.

Упряжки с пушками идут,
Заряды в ящиках везут,
Под рёв верблюдов, скрип колёс,
Неспешно движется обоз.

То войско Белого царя,
Идёт к реке Амударья,
Хивы надменной, мощь сломить,
Войною к миру принудИть.

Рабам свободу принести,
От доли тяжкой их спасти,
Чтоб впредь, не смел хивинский хан,
Держать в неволе Россиян.

Но без воды через Устюрт,
Колонны Русских не пройдут,
Занять оазис Ак-Суат,
Ушёл передовой отряд.

Глава III

Колонна -сотни две штыков,

До полусотни казаков,
Под солнцем южным день — деньской,
Дорогой движутся степной.

Укрыться негде от жары,
Вокруг лишь степь, да степь, увы,
И как в пустыне вечный страж,
На горизонте — тёмный кряж.

Всё ближе серая гряда...
Вдруг — громкий крик: «Вода , вода!»
И весь отряд ускорил шаг,
Как будто показался враг.

Усталость, как рукой сняло,
Коней казачьих понесло,
К подножью невысоких скал,
Где средь камней ручей журчал.

Давно, в былые времена,
Возведена была стена,
Родник от солнца защитив
И почву влагой напоив.

Покрылась зеленью земля,
Взметнулись к небу тополя,
Арча раскинула листья,
Повсюду разрослись кусты.

И всяк торговый караван,
Раскидывал у скал свой стан,
Здесь воду находя и тень,
Пережидая новый день.

И вот, в оазис Ак-Суат,
Российских войск вошёл отряд,
Чтоб после трудного пути,
Желанный отдых тут найти.

Спешат к ручью воды испить,
Пот, пыль с лица скорее смыть,
Наполнить фляги, котелки,
Зажглись повсюду костерки...

Вот ружья в козлах уж стоят,
Палаток протянулся ряд,
А у ручья, в тени чинар,
Денщик готовит самовар.

Дневной жары проходит срок,
Гремит о ложку котелок,
У офицерского шатра,
Гитара тихая слышна.

Казачи с песней удалой,
Коней ведут на водопой,
И полукругом, через степь,
Пикетов протянулась цепь.

Спокойно всё, но быть беде-
Дозор хивинский на гряде,
Как змеи, двигаясь ползком,
Следит за русским биваком.

Их сотня за грядой стоит,
И Юзбаши* скорей спешит,
Послать гонца в хивинский стан,
Сказать, что мало россиян.

Что можно вырезать отряд,
Занять оазис Ак-Суат,
Немало раздобыть голов,
И на базар пригнать рабов.

Глава IV

Шумит, бурлит стан мусульман,
И, кажется, весь Туркистан,

Собрался у больших костров,
Средь войлочных, цветных шатров.

Вот, на кошме, солдат – сарбаз*,
Вечерний завершив намаз,
Облокотясь на барабан,
Неспешно раскурил кальян.

Неподалёку, под скалой,
Киргизов чёрных вьётся рой,
Устроив буйную «байгу»,
Барана рвущих на скаку.

Афганцы рядышком сидят,
Покинувши родной Герат,
Хивинским золотом прельстясь,
Британцев вечная напасть.

На аргамаках вороных,
Толпа **туркменов** удалых,
Свирепой смелостью полны,
Вдоль крепостной летят стены.

А вот, и сам хорезмский бек –
Владыка тысяч человек,
С седою, длинной бородой,
Покрытый чёрною чалмой.

Под ним **текинец** молодой,
Бренчит злачёною уздой,
Покорный воле седока,
Стоит, гарцуя лишь слегка.

Вокруг него, на жеребцах,
Нукеры, что наводят страх,
На бека подданных везде,
Простой народ, держа в узде.

Владыки ловят слово, взгляд,

Готовы обнажить булат,
Лишь грозно бек насупит бровь,
На землю сразу брызнет кровь.

За ними раб-бесправный кул,
Сухой, как старый саксаул,
Гепардов держит на ремне:
Охота-младший брат войне.

Но беку сейчас не до забав,
Примчался, двух коней загнав,
Гонец, с вестями из степи,
Владыки мысли далеки.

Взметнулась к небу вдруг рука,
Узрев её издалека,
Весь лагерь «обратился в слух»,
Как бы коней созвал пастух.

И зычный голос, как набат:
«Идём в оазис Ак-Суат!
Аллаху славно послужить,
Отряд гяуров истребить!».

И сразу же, от всех шатров,
Восторженный раздался рёв,
Ликует радостно народ,
А барабан зовёт в поход.

И поднялась до неба пыль,
И под копытом смят ковыль,
И топот тысяч лошадей,
Разнёсся по холмам степей.

Сквозь солнцем выжженный Устьюрт*,
Войска хивинские идут,
Чтоб псов неверных порубить,
Пески их кровью напоить.

Глава V

Степной оазис Ак-Суат,
Наполнен гомоном солдат,
Полуденного солнца жар,
Ослаблен кронами чинар.
Журчит родник, течёт ручей,
Под сенью строгих тополей,
Дымок обеденных костров,
Висит над крышками котлов.

Степь замерла... Вдруг, за грядой,
Раздался дикий, мрачный вой,
Как будто бы в спокойный сон,
Ворвался жутких бесов сонм.

И загудела вдруг земля,
И задрожали тополя,
И всадники степной орды,
Вдруг вынеслись из-за гряды.

«Аллах акбар! – раздался крик,
И ошестинясь лесом пик,
Толпа, как лава растеклась,
И на пикеты понеслась.

Поёт встревоженно рожок,
Летит на землю котелок,
К палаткам русские бегут,
Поспешно с козел ружья рвут.

Стрелки смыкают тесно строй,
Вступить готовясь в смертный бой,
Отряд врага принять готов,
На частокол своих штыков.

Казачьи, жеребцов своих,
На бок, квадратом положив,
Из тел коней создав редут,

Спокойно нападения ждут.

Пикеты, ружья разрядив,
К своим скорей поворотив,
Что было сил бегут назад,
Боясь за спину бросить взгляд.

Но разве пешему в степи,
Возможно ль от коня уйти?
И рубит плоть стальной клинок,
Тела швыряя на песок.

Как звери кровушки вкусив,
Себя убийством раздражив,
Хивинцы, издавая вой,
Обрушились на русский строй.

Джигитов встретил ружей хор,
Свинец, разящий их в упор,
Летят из сёдел седоки,
На русские валясь штыки.

И начался жестокий бой,
Смешались в кучу свой-чужой,
Войны повсюду жуткий лик:
Железа лязг, вой, ржанье, крик!

Со всех сторон врагов кольцо,
Бойцы сошлись к лицу лицо,
И брызжет пена с конских ртов,
На кепи белые стрелков.

О сталь стволов стучит булат,
Мелькает в воздухе приклад,
По жалам тонких, гибких пик,
Скользит трёхгранный русский штык.

Отхлынула степная рать,
Не в силах русский строй сломать,

Так волки, прянувши назад,
Добычу окружить спешат.

А офицер велит скорей,
Казакам отвести людей,
За бруствером из конских тел,
Укрыть всех тех, кто уцелел.

Телами устлан Ак-Суат,
Лежит джигит, лежит солдат,
И кровь людей и лошадей,
Смешалась с водой ключей.

Глава VI

Длиннее от деревьев тень,
Уж к вечеру клонится день,
И как, струна напряжена,
Висит над полем тишина.
Степной орды подвижный рой,
В толпу сгустился под горой,
Коварный план в душе тая,
Бек к русским выслал сердаря*.

Два всадника в больших чалмах,
Богато сшитых чапанах*,
К редуту русских мчатся вскачь,
Один сердарь, другой толмач.

«Послушай, русский ак-сарбаз*!
Ты видишь, много тысяч нас!»
-Сердарь гортанно говорил,
Толмач по-русски повторил.

«Зачем с судьбой вам спор вести?
Не лучше ль головы спасти?
Велик и милостив наш хан!
Сдадитесь, жизнь оставим вам!»

Поднялся русский командир,
От пыли отряхнул мундир,
Сердару кулаком грозит:
«Идите к чёрту» – говорит.

«Вам не удастся соблазнить,
Присяге, долгу изменить,
Ошейник рабский нам надеть,
Подставить спины вам под плеть!

Хотели в плен живыми взять?
В Хиву в оковах нас пригнать?
Нам легче с честью смерть принять,
Чем у врагов рабами стать!»....

Услыша дерзкие слова,
Сердарь себя сдержал едва,
Но помня бека грозный нрав,
Продолжил ,ласково сказав:

«Плохой советчик гнев в делах,
Да вразумит тебя Аллах,
Зачем нам снова воевать?
Кровь понапрасну проливать?»

«Давай оставим Ак-Суат,
Ты уведёшь солдат назад,
В российских войск походный стан,
А мы – в Хиву, где ждёт нас хан»

«Ты жизнь своих людей спасёшь,
Честь офицера сбережёшь,
Ступайте к своему полку,
Аллах свидетель, я не лгу!»

Задумался штабс-капитан:
Здесь, в Азии, в чести обман,
Тому, припомнил офицер,
Судьба Бековича пример.

Но тут оставив свой отряд,
Погубит он своих солдат,
Пока войска сюда дойдут,
Их всех хивинцы перебьют.

«Согласен я , но на Устьюрт,
Пусть ваши первые уйдут,
Тогда оазис Ак-Суат,
Клянусь, покинет мой отряд!»

Своих бойцов земле предав,
Намаз над ними прочитав,
Вокруг гряды проделав крюк,
Хивинцы двинулись на юг.

Друзей погибших схоронив,
С молитвой в землю опустив,
Оставил белый строй солдат,
Залитый кровью Ак-Суат.

Глава VII

Горит на Западе закат,
На Север движется отряд,
Ночной порой, по холодку,
Дойти чтоб к своему полку.
Вдруг, за холмами, с двух сторон,
Раздался топот, гомон, звон,
И моментально строй солдат,
В тиски хивинцами зажат.

В ловушку русских заманив,
Не дрогнув ,клятве изменив,
В степи их окружив ордой,
Джигитов бек бросает в бой.

Как карусель, по кругу мчась,
Подальше от штыков держась,
Номадов вихрь на строй солдат,

Обрушил пуль свинцовых град.

Кружит смертельный хоровод,
Вздохнуть свободно не даёт,
Разит бойцов издалека,
Врага коварная рука.

Сыны безжизненных песков,
Йомуды рыщут вдоль рядов,
И посвист пуль для слуха их,
Как мух жужжание степных.

Средь тел, лежащих на песке,
Застонет кто невдалеке,
И жизни искру в тот же миг,
Прервут удары длинных пик.

Сжимает петлю вражья рать...
Стремясь дороже жизнь продать,
Стрелки, кочевников степей,
Сбивают пулями с коней.

Но много русских тел лежит,
И командир уже убит,
И каждый на счету патрон...
Отряд на гибель обречён!

Всё реже выстрелы солдат...
Друг друга подперев стоят,
Направив на врага штыки,
От ран ослабшие стрелки.

Их взгляд решимостью горит,
Без слов о многом говорит,
Врага не силах одолеть,
Бойцы готовы умереть.

Прицельный залп смёл русский строй,
Пронёсся эхом над грядой,

Лицом спокоен, как скала,
Бек тихо молвил: « Машалла! ».

Глава VIII

Хивинцы, с сёдел соскочив,
Клинки со звоном обнажив,
К телам солдат скорей бегут,
У мёртвых головы секут.
Хруст смачный, будто бы огуз*,
Срезает на бахче арбуз,
И шар, недавно полный дум,
Словно кочан летит в курджум.

Так, лет сто пятьдесят назад,
Погиб Бековича отряд,
Был истреблён, хотя сам хан,
Прилюдно целовал Коран,

Мир, дружбу, ласку обещал,
Но слово русским не сдержал,
Курган построил из голов,
Своих доверчивых врагов.

Расплата скоро предстоит,
В крови омоется Мангит*,
И виру* страшную внесут,
Убийц потомки. Высший Суд.

На долгие года порой,
Разводит Кару он с Виной,
Но дни возмездья настают,
И предков правнуки клянут....

Джигиты в поле растеклись,
Барантой жадно увлеклись,
Вдруг, бека раздались слова:
« Все на коней! Нас ждёт Хива! »

В мешки добычу побросав,
Их к сёдлам ловко привязав,
Вскочив поспешно на коней,
Собрались всадники степей.

И войско повернуло вспять,
Оставив воронам клевать,
Солдат безглавые тела...
На степь спустилась ночи мгла...

Глава IX

Среди песков стоит Хива,
Сливая с небом купола,
Зелёно-синей бирюзой,
Блестя на солнце, как слезой.
Мечетей минареты ввысь,
Столбами к облакам взвились,
Как будто подперев собой,
Свод неба, ярко-голубой.

Среди широких площадей,
Забитых толпами людей,
Средь узких улиц Махалли,
Стоит дворец Таш-Хаули.

Вокруг раскинулись сады,
Бассейны, полные воды,
С ветвей древесных здесь висят,
Хурма, и слива, и гранат.

Растёт и пальма и платан,
Под сенью кущ журчит фонтан,
Цветов чудесный аромат,
Тут дразнит нюх и манит взгляд.

На солнце яхонтом горит,
Стен отшлифованный гранит,
Входных ворот изящный створ,

Покрыл искуснейший узор.

За ними, зеленью покрыт,
Лозою с гроздьями увит,
Приёма двор, что с трёх сторон,
Дворца стенами окружён.

Он галереей обрамлён,
Витых, узорчатых колонн,
Их, вдоль сераля, длинный ряд,
Держа второй этаж стоят.

В него вступил хорезмский бек,
Со свитой в сотню человек,
С мешками яркими в руках,
В движеньях их покорность, страх.

За беком сгрудились гурьбой...
И так, нестройною толпой,
Ступая робко наконец,
У входа встали во дворец.

Глава X

Карнаи* заревели вдруг,
Раздался барабанов звук,
Казалось, вздрогнула земля,
И будто бы с небес сойдя,
Одетый в дорогой чапан*,
На галерею вышел сам,
Хивы могучей господин,
Хан Мухаммад — Сеид-Рахим.

И словно бы прошла волна,
Согнулась каждая спина,
В поклоне до земли склонясь,
Владыке угодить стремясь.

«О, всемогущий властелин,

Орёл степей и тигр равнин,
Прими в дар, от своих рабов,
Убитых головы рабов»

— Промолвил бек, и знак подал,
И каждый, голову достал,
К ногам монарха положил,
Чело своё пред ним склонил.

Сверкнули радостью глаза,
Что редко трогала слеза,
Зловещая улыбка вдруг,
Коснулась тонких ханских губ.

«Вы потрудились не за зря!
Кладу за голову тилля*,
И шёлковый, цветной халат,
Аллах, благословил Джихад.

Хорезмский бек, ты уж не раз,
Нас от врагов опасных спас,
Тебе, за преданность твою,
Кунград* богатый отдаю!

Гяуров головы собрать,
На колья нынче ж нанизать,
Поставить их на площадях,
Неверным псам внушая страх!»

Глава XI

Шумит Хивы Большой базар,
На вкус любой здесь есть товар,
Китайский чай, Бухарский шёлк,
Рубины, тем, кто знает толк.
Индийских специй целый ряд,
Висит на крючьях виноград,
Перс, изнывая от жары,
У лавки раскатал ковры.

Стучит из кузни молоток,
Лудильщик чинит котелок,
Корзины с фруктами кругом,
Мешки с пшеницей, ячменём.

Индийский и китайский рис,
Кинза, мускат и барбарис,
И в пол-мечети высотой,
Арбузы сложены горой.

А на вершине сарт сидит,
На рынок сверху вниз глядит,
Как будто весь базар ему,
Принадлежит лишь одному.

Глупцу и скряге он в лицо,
Метнёт вдруг острое словцо,
Разя того верней меча,
Клеймя не хуже палача.

На шутки остряка дивясь,
Толпа большая собралась,
Но тут карнаев хриплый звук,
Отвлёк людей вниманье вдруг.

Под длинных труб ужасный вой,
Нукеров ханских вышел строй,
Несущих на концах шестов,
Полсотни срезанных голов.

Воткнув их у мечети вряд,
К дворцу отправился отряд,
Народ к шестам собрался вмиг,
Поднялся гомон, гвалт и крик.

Меж кольев встал седой мулла,
За ним, лохматый девонА*,
Толпа людей, тесней сплочась,
С вниманьем слушать собралась.

Тут заиграла вдруг зурна,
И закружился девонА:
« О, правоверные, сейчас,
О белом наре будет сказ».

Глава XII

И начал нараспев мулла:
«Была прекрасная страна,
Текли там реки с молоком,
Народ с трудом был незнаком.
К чему, когда кругом сады?
А в них сладчайшие плоды!»
«Буза* в арыках всех текла!»-
Добавил с жаром дивонА.

«Бузы там не было, не ври!
Не знаешь, зря не говори!
Когда б бузы не пили той,
И жизнь была б совсем иной!»

Мулла бродягу отчитал,
И вновь рассказ свой продолжал:
«Пшеница там сама росла,
Тогда не знали люди зла.

Им не знаком был мор и глад,
Неведом стужи зимний хлад,
И, как спокойная река,
Счастливо жизнь у них текла.

Аллах, по милости своей,
Поставил во главе людей,
Верблюда белого, ему,
Служили люди одному.

Поили сладким молоком,
Златым чесали гребешком,
И кушанья из нежных роз,

На дорогой несли поднос.

Но их беда подстерегла,
Гордыня на людей нашла:
«Пускай сам кормится верблюд!
Зачем нам нужен лишний труд?»

Нахмурился тогда Аллах,
В далёких северных горах,
Раздался страшный, мрачный вой,
Закрыло небо чёрной мглой,

Посыпался вдруг с неба снег,
Лёд лёг на гладь широких рек,
Издалека, с полночных стран,
Примчался северный буран.

И с ним пришли, точа клыки,
Волков ужасные полки,
Из пасти их летит свинец!
У них гранит, вместо сердец!

Их шкуры белые, как снег,
Не видели таких вовек!
И Белый Нар, отец степей,
Пал жертвой северных зверей.

И со слезами на глазах,
Вскричали люди: «О, Аллах!,
Прости, Отец, детей своих,
Спаси нас от пришельцев злых!»

И тут, с небес раздался глас:
«Всем правоверным в этот час,
Велю скорей взять в руки меч,
Волкам сим головы отсечь!»»

Мулла замолк...
Тут с трёх сторон,

Раздался пушек близкий гром,
И сотни глоток, хором, враз,
Вскричали в страхе: « Ак сарбаз!»

Вскипел людской водоворот,
Толпа растаяла, как лёд,
Торговцы спрятали товар,
И опустел большой базар.

Финал

Из пушек, по стенАм паля,
Солдаты Белого Царя,
Как волка гончие в загон,
Хиву зажали с трёх сторон.
И содрогнулася Хива,
Заслыша русское «Ура!»,
В смятении потеряв покой,
Пришла с повинной головой.

Под сенью реющих знамён,
Под пенье труб и рёв валторн,
В Хиву, как мощная река,
Вступили Русские войска.

Сквозь горы, степи и пески,
Прошли российские полки,
Их не сдержали жажда, глад,
Свинец шальной, стальной булат.

Прошли сквозь бурь песчаных тьму,
Через широкую Аму,
Разбили полчища врагов,
Стальной стеной своих штыков.

Склонил чело хивинский хан,
Явился в русский ратный стан,
Царя признал владыкой он,
Чтоб сохранить отцовский трон.

Велел лихих барантачей,
Гнать из хивинских рубежей,
Всех пленников освободить,
Навеки рабство отменить.

Причины главной лишена,
Затихла вечная война,
Набегов буйная пора,
В приданья старины ушла.

Возделывая свой надел,
Уж землепашец не глядел,
В равнины не скрывая страх,
Мир наконец настал в степях.

Эпилог

Художник в русском войске был,
В картинах он отобразил,
Войну без лжи и без фанфар,
Кровь , смерть, жестокости угар,
И как итог, как символ зла,
Из многих черепов гора,
Средь выжженной, пустой страны,
Назвал «Апофеоз войны».
Какой бы ни была война,
Всегда одна её цена,
И чтобы в схватке победить,
Сполна придётся заплатить.
Здесь, в Третьяковке, со стены,
Глядит на нас лицо войны,
Десятками пустых глазниц,
Оскалом чьих-то бывших лиц.
Среди музейной тишины,
Дыханье чуешь чёрной тьмы,
Её пустить через порог,
Не дай нам Бог! Не дай нам Бог!

Аркадий КАЗАНЦЕВ. Poemalar